

# «СТЕПНЫЕ ЛЕГЕНДЫ», ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПАРИЖЕ

В петербургском издательстве «Алетейя» вышла книга писателя-эмигранта второй волны Н.Е. Русского с названием «Цветы мертвых» и подзаголовком «Степные легенды». Ее подготовили два исследователя – Андрей Власенко (США) и Михаил Талалай (Италия). Имя автора абсолютно неизвестно читающей публике, и мы обратились за разъяснениями к одному из редакторов книги – историку М. Талалаю.

**Михаил, какое необычное имя у автора!..**

Вы правы – это вовсе не имя, а псевдоним, который взял себе этот замечательный писатель. Писать он стал уже в эмиграции, после Второй мировой войны. Жил он в Италии, однако почти все свои тексты отправлял в Париж, в редакцию еженедельника «Русская мысль». Собственно, весь сборник построен на публикациях в вашем издании: первая вышла в 1949 году, последняя – в 1962 году. Пользуюсь случаем, выражаю благодарность вашей редакции за разрешение опубликовать эти тексты. Сам автор проживал в Турине, под именем Бруно Лонгобарди, или Лонгобардо, работал на знаменитой автомобильной фабрике ФИАТ. Быть



Михаил Талалай. Автор фото: Наталья Галкина-Нови

может, в русской среде Лонгобарди несколько тяготился своей нерусской фамилией и свои публикации в Париже подписывал псевдонимом *Русский*. При этом он отдавал себе отчет, что в качестве беженца, утратившего Родину, он утрачивал свою русскость: поэтому перед псевдонимом ставил инициалы *Н.Е.* и становился таким образом *Нерусским*. Ряд своих текстов он именно так и подписал – *Нерусский*. Ведь после

1945 года «новые эмигранты» из русских превращались в нерусских – в украинцев, литовцев, чехов, евреев, поляков, обрусевших немцев и итальянцев. Русским беженцам тогда в Европе было опасно: их выискивали для насильственных репатриаций, согласно секретной части Ялтинских протоколов. Об этой проблеме он написал в пронзительном очерке «В поисках русского».

**Так кто он все-таки был по национальности?**

Представьте себе – биографию нашего писателя еще предстоит открыть. Несмотря на все наши поиски, по всем возможным направлениям, мы не знаем точных данных о нем. Обнаружены письма его коллеги, писателя-эмигранта Бориса Ширяева, который сообщал своим корреспондентам, что Н.Е. Русский – итальянец, родившийся в России, и что он был выслан «советами» перед войной. Да, действительно в 1937–1938 годах советское правительство выслали многих итальянцев, опасаясь, что во время грядущего военного конфликта они могут стать «пятой колонной». Однако эта информация не согласуется с самими текстами Н.Е. Русского.



**Каковы же противоречия?**

Нам кажется, что автор имел явные казачьи корни. Книга открывается серией прекрасных рассказов о до-революционном казачьем быте и обучении в Казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Трудно представить себе «Бруно Лонгобарди» кадетом в этой конной сотне или же обитателем какого-нибудь кубанского куреня. Писатель слишком хорошо знал казачий обиход, историю, диалекты, чтобы быть чистокровным итальянцем. Следуем далее за его текстами. Он был офицером Русской императорской армии. «Великую бескровную» революцию, как автор иронично называет Февральскую, встретил на Румынском фронте, а после его развала и развала всей Русской армии, пробрался в январе 1918 года в Одессу, где в тот момент жили его мать, сестра и брат. Летом 1918 года автор – на Украине, у гетмана Скоропадского (о котором пишет уважительно); после его падения – на Дону, у атамана Краснова (о нем – еще более уважительно). Перипетиям братоубийственной Гражданской войны посвящены многие очерки и рассказы. После крымской катастрофы 1920 года автор не эмигрирует – следуют поимка, суд, лагерь (вероятно, в

Печоре), освобождение, с запретом на большие и приграничные города. Через Среднюю Азию, которой тоже посвящен превосходный очерк, он возвращается в русские степи. В 1930-е годы – работа в провинции, скорей всего, в системе школьного образования, о которой затем пишет много и со знанием дела. Досконально описана немецкая оккупация, некоторые колоритные эпизоды повторяются по нескольку раз. Очень маловероятно, что автор описывал это с чужих рассказов, так же как и многие другие военные сюжеты. По окончании войны писатель оседает в Турине, однако в Италии нет русской прессы, и он завязывает связи с русской эмиграцией во Франции.

**Как закончилась жизнь писателя?**

И об этом – скудные сведения. Известно, что, состарившись и прекратив работать, он уехал во Францию, где бедствовал. В Париже Лонгобарди записался в Союз русских писателей и журналистов, который в 1958 году даже организовал Комитет для его помощи. Однако неизвестно, помог ли сей Комитет... Некрологов или объявлений о его смерти не обнаружено, и мы сейчас, увы, не можем сообщить дату и место кончины автора этой книги.

На данный момент мы сделали, что смогли – собрали под одной обложкой его тексты, напечатанные преимущественно в «Русской мысли». В России они никогда не публиковались. Да и своей книги у Н.Е. Русского не было – это первая. Не перестаешь удивляться нашему народу – такие таланты, и забыты, неизвестны, как будто жили в Средневековье.

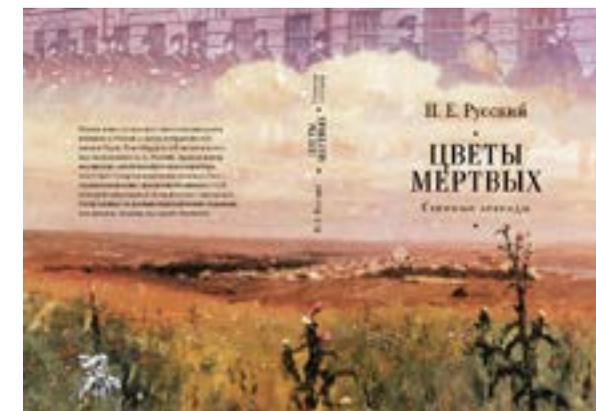
**А искали ли вы данные о Н.Е. Русском в архиве «Русской мысли», который был передан в**

**Москву, в Российскую государственную библиотеку?**

Конечно, искал и обращался к своим коллегам, которые работают в РГБ. Но, похоже, он сохранился не полностью, и материалов 50-х годов там мало. О нашем авторе мы ничего в нем, увы, не нашли.

**Почему книга называется «Цветы мертвых»?**

Для общего титула мы взяли название одного рассказа, вышедшего в «Русской мысли» в канун православного Рождества в 1955 году. По сути дела, это традиционный святочный рассказ, но очень печальный, с типичными для автора мотивами беженства и конфликта русскости с западной цивилизацией. Его герой – художник-беженец, который начинает подрабатывать, и даже успешно, своими натюрмортами, в анонимном европейском городе. Под Рождество он пишет букет хризантем, отвергнутый затем торговцем, так как в Италии (и во Франции) хризантемы носят на кладбища. Это цветы мертвых. Художник впадает в депрессию и умирает в нетопленной комнате, перед своим натюрмортом – с последней



мыслью: «У нас это цветы живых». В названии книги мы хотели дать также переключку с классикой эмигрантской литературы – с «Солнцем мертвых» Шмелева. Подзаголовок «Степные легенды» – это название другого рассказа Н.Е. Русского, да и вообще лейтмотив его творчества.